

Дом, в котором мы живем

Сегодня он известен всему миру, в котором имеет свое влияние и веское слово

В нагорной части Баку есть улица, которая до 60-х годов прошлого века называлась Большой Сальянской. Трудно сказать, вела ли эта улица когда-то к Сальянским казармам, а может, через «Волчьи ворота» напрямиком в Сальянский район, но кто-то дал ей такое название.

Октай СУЛТАНОВ

Позднее, скорее всего в годы «оттепели», ее переименовали в честь Микаила Мушвига - молодого талантливого поэта, репрессированного в 1937 году.

В 1964 году на этой улице была построена очередная «хрущевка», примыкающая к известному тогда ювелирному магазину «Алмаз». Наша семья поселилась на третьем, «еврейском» этаже, как тогда принято было называть. Третий этаж считался элитным, повышенной комфортности. Для пятиэтажек без лифта это было актуально - подниматься невысоко, к тому же от крыши далеко и от подвала.

В этот дом всегда и неумолимо тянуло вернуться, будь то служба в армии, командировки или же заграничные поездки. В нем было то, что в свое время воспринималось как обыденное и вечное: материнская теплота, отцовская забота, застолья в кругу родных и друзей, совместные просмотры телефильмов, футбольных матчей и еще многое другое. Стены дома и поныне помнят лица и голоса тех, кто был нам бесконечно дорог и близок.

О мугаме и музыке «оттуда»

Дед наш по материнской линии был родом из города Шуша, как, впрочем, и бабушка. Он был однофамильцем и близким родственником выдающегося пианиста-аккомпаниатора Чингиза Садыхова, который сотрудничал с Бюльбюлем, Рашидом Бейбутовым и Муслимом Магомаевым. Представителей этого карабахского рода называли Садыхлылар. Ну и как все выходцы из того региона, дедушка был буквально помешан на мугаме, что тогда сильно раздражало внука. Еще бы, наше поколение, помешанное на западной музыке, советскую эстраду особо не жаловало, а тут частенько приходилось слушать, вернее, слышать то, что приводило старика в восторг. А по воскресеньям, с 14.00 до 15.00, в «Час мугама», он вообще отключался от всякой мирской суеты. То был час блаженства, своего рода рай на этой грешной земле для деда и в то же время нескончаемо долгий час душевных мук для внука-космополита! А все юношеские мечты и чаяния о том, чтобы по каким-нибудь «техническим причинам» хотя бы в один из воскресных дней концерт не состоялся, разбивались о реальную действительность. Более того, приходилось все это слышать на полной мощности.

В середине 60-х одним из трендов для молодого поколения, безусловно, была рок-музыка. В те годы уже получили мировую известность «ливерпульская четверка», а также соперничающий с ними квинтет Rolling Stones. Неистовый Джими Хендрикс в порыве экстаза сжигал на сцене свои гитары, «Дом восходящего солнца» из репертуара The Animals согревал своей теплотой весь мир, а «белая королева блюза» Дженис Джоплин с невероятным надрывом раскрывала душу миллионам почитателей. Однако в СССР вся эта музыка была под официальным запретом, подвергалась резкой критике в прессе, не звучала на радио и телевидении.

Конечно же, это не могло остановить молодежь, которая увлекалась той самой «буржуазной музыкой», записывая ее на бобинные кассеты, собирая фотографии своих куми-



ров и стремясь одеваться в их стиле. Для приобщения к подобной музыкальной культуре, которую иначе как бескультурьем в стране «развернутого строительства коммунизма» не называли, была еще одна лазейка, своего рода «окно в Европу». Помимо «вражеских голосов» из-за океана и Старого Света, которые нещадно глушились соответствующими структурами по всей территории огромной страны, «трудящиеся советского Азербайджана» ежедневно с 11.30 по 12.00 имели возможность слушать западную музыку по... иранскому радио. Причем в отличном техническом качестве и довольно разнообразном репертуаре.

О евреях не с того этажа

Этажом ниже «еврейского», на котором мы соседствовали с прекрасной русской семьей Мартыновых, поселились семейства Койфманов и Климовичских, а на четвертом

Довольно продолжительное время он работал в эстрадно-симфоническом оркестре Азербайджанского радио и телевидения.

Наш сосед с нижнего этажа регулярно репетировал дома, однако это никого и никогда не смущало, несмотря на то что процесс музицирования порой напоминал знаменитую фразу из фильма «Бахтияр» - Мэн, тək - kontrabasdə?! Более того, неописуемый восторг эти самые звуки басов доставляли автору строк в воскресенье, если Додик начинал перебирать струны аккуратно к 14.00. Правда, юношеская радость, сочетавшаяся с вредностью одновременно, омрачалась тем, что басам со второго этажа было трудно соперничать с мощными динамиками радиолы «Ригонда» в собственной квартире. Справедливости ради следует отметить, что, скорее всего, соседа-джазиста тоже особо не беспокоили гитарные пассажи с верхнего этажа.

Кстати, в этом году у знаменито-



и пятом этажах - еще две еврейские семьи. Пожалуй, это было и осталось навсегда единственной «неразберихой» в нашем уютном совместном проживании за все эти годы.

Особого внимания заслуживает довольно интересная история семьи Койфманов. В суровом 1937 году житель еврейского поселка Меджибож Хмельницкой области Украины Рувин Саньевич Койфман, следуя примеру близкого родственника, переехал в столицу советского Азербайджана - Баку. Следом за ним отправилась супруга Фаина Давыдовна. А далее практически вся родня Рувина Саньевича последовала его примеру.

В 1944-м в семье родился сын Давид. Несмотря на техническое образование, Давид, он же Додик для друзей и близких соседей, в 19 лет увлекся джазом. Сначала участвовал в коллективах художественной самодеятельности, а позже стал выступать с известными профессионалами. Первоначально он играл на контрабасе, затем на бас-гитаре.

Давид Койфман - очень известный в Азербайджане джазовый исполнитель, прекрасный басист. Он выступал с Вагифом Мустафазаде в его ансамблях «Лейли», а позже «Севиль» на базе Гостелерадио Азербайджана. Сотрудничал с Рафиком Бабаевым, Фаиком Суджадиновым и другими популярными музыкантами, участвовал в многочисленных джазовых фестивалях разных лет.

го азербайджанского джазового исполнителя Давида Койфмана юбилей - ему исполняется 80 лет. Впрочем, это тема, которая требует к себе особого внимания, и к ней следовало бы вернуться отдельно...

О «неизвестном» корифее с соседнего двора

Летом 1990-го произошло событие, которое навеки врезалось в память. В тот день по радио, тогда еще без FM-волн и возможности хоть какого-нибудь выбора, включенному больше для фона, нежели чего-то конкретного, стали передавать мугам. И вот тут начало происходить нечто невероятное!



Тот самый мугам, от которого когда-то приходил в восторг дед, впервые «разбудил» гены его 35-летнего внука! Трудно описать переживаемые в тот миг чувства и эмоции, но всю их гамму можно было выразить одним словом - потрясение! Эта волшебная музыка вдруг унесла куда-то очень далеко, она буквально отключила от всего окружающего мира, вся реальная действительность словно бы перестала существо-

вать. А самое главное заключалось в том, что так и не удалось понять, сколько же времени все это продолжалось. Голос исполнителя... В нем было что-то необыкновенное, некая притягательность, волшебство. Сразу же появилась мысль: кто этот певец, как зовут, у кого можно узнать? А еще - недоумение: как может только что услышанное в одночасье очаровать человека, буквально с детских лет увлеченного лишь западной музыкой?! Впоследствии из передач, посвященных мугаму, удалось выяснить, кто же этот ханенде. Им оказался Гаджибаба Гусейнов - непревзойденный исполнитель мугама, который своим бархатным голосом, в общем-то, не широкого диапазона создавал шедевры. И стало очень неловко, если не сказать стыдно, потому что этот необыкновенный голос принадлежал очень известному певцу, который жил в соседнем дворе. А ведь долгие годы с ним приходилось сталкиваться и безразлично проходить мимо, не ведая ни о чем...

В середине 70-х Гаджибаба Гусейнов записал композицию в стиле джаз-мугам «Баяты-Шираз» с Вагифом Мустафазаде. Однажды легендарный джазовый музыкант попросил ханенде прийти в звукозаписывающую студию. Там пианист протянул артисту три баяты и объяснил, что нужно исполнить без музыкального сопровождения, словно бы для себя самого. Для того чтобы настроить удивленного ханенде на нужный лад, он несколько минут импровизировал на фортепиано. Позже на исполненные певцом баяты В.Мустафазаде с ансамблем записал музыку. Итогом этой встречи стал поистине музыкальный шедевр - удивительная композиция «Баяты-Шираз», основанная на синтезе классического мугама с джазом. Кстати, в этой записи участвовал и сосед легендарного ханенде Давид Койфман. Мир действительно тесен.

Автор статьи и сейчас живет на привычном «еврейском» 3-м этаже, но в другом районе города, а в родительском доме проживает младший представитель семьи. Что касается соседа, басиста-виртуоза, то он по-прежнему этажом ниже. И оттуда порой вновь раздаются басовые партии, мысленно возвращающие на шесть десятилетий назад. 60 лет, именно столько, исполняется в этом году нашему добрососедству. Как знать, возможно, это событие, достойное Книги рекордов Гиннесса.

Это мудреное слово - «мультикультурализм»

Среди соседей были представители нескольких национальностей, что абсолютно никого не интересовало, потому как характеристике тому или иному жильцу давали лишь по его поступкам, порой даже представления не имея о записи в «пятой графе». В то же время никто не ведал о таком понятии, как «мультикультурализм», который, как выяснится позже, был нормой жизни. С годами кто-то из жильцов ушел в мир иной, кто-то переехал, а потомки некоторых живут в этом доме по сей день, уже в третьем и даже четвертом поколениях. Неизменным остается одно - тот самый дом, в котором мы все живем. Он такой же теплый, уютный и гостеприимный, как и в далеком 1964 году. Впрочем, как и соседние дома нашего двора, да и всей столицы. А по большому счету, Дом этот - весь Азербайджан, восставший из пепелищ, развалин и ужасов карабахской трагедии, ценой жизни и крови героев очистивший от скверны свою территорию и победивший в многолетнем неравном противостоянии с целым рядом государств и международных центров! Сегодня он известен всему миру, в котором имеет свое влияние и веское слово. Наш прекрасный Дом, в котором есть место всем, кто желает жить в нем в мире и согласии. Независимо от национальной и религиозной принадлежности. Так было, есть и будет всегда!

Среди соседей были представители нескольких национальностей, что абсолютно никого не интересовало, потому как характеристику тому или иному жильцу давали лишь по его поступкам, порой даже представления не имея о записи в «пятой графе»